

IV. СНОВА «ПЕСНЯРЫ»

Кошки-мышки и «подарок»

Все консультации и утряски заняли считанные недели. Сразу договорились ни Мулявина, ни Пенкину, ни остальных сотрудников ансамбля (в том числе и творческих, за исключением нашей «инициативной группы») не ставить в известность о новом плане. Кроме артистов и министра в курсе была новый бухгалтер, которой я доверял и которую собирался перетянуть из своей фирмы. Но, как и в случае с Пеней, слухок о первой же нашей встрече с министром дошёл до Володи через Пенкину, видимо от министерских клерков. С другой стороны, а кто такие Мисевич и Дайнеко в ансамбле к тому моменту? Бывшие — то есть никто. Может, мы к Сосновскому в кабинет ходили песни петь — кому там известно, что было за закрытыми дверями?

Ребята тем временем со скрипом отрабатывали оставшиеся концерты, а мы продолжали собираться в моём офисе, уже прикидывая, с чем можно выходить на сцену. За пару дней до нового, 1998-го, года были получены все согласования и благословения на встряску ансамбля и лично Мулявина. После этого я договорился с Сосновским, что прежде, чем представить меня коллективу, он всё-таки лично объяснит Володе, почему принято решение разделить две должности, оставив за ним только творческую часть, и почему его «сменщиком» стал именно я. В общем, хотелось смягчить удар хотя бы минимально. Вроде и не прав Мулявин, а всё-таки особенное к нему отношение не спрячешь в карман. Ведь долгое время он для меня был человеком, которому я бесконечно доверял, которым восхищался, который меня научил очень многому.

Правда, ни ознакомить его с приказом, ни просто поймать на работе оказалось делом непростым даже для министра культуры. Порой казалось, что они играют в кошки-мышки: Сосновский вызывает Мулявина, тот обещает быть и не приходит — исчезает из поля зрения на несколько дней вместе с помощником худрука. Понятно, что информация до него дошла, и ситуация закипала. Ну а лопнуло терпение министра, когда он, приехав сам, обнаружил таки Мулявина в кабинете, только совсем не в том состоянии, чтобы вести серьёзный разговор. Вскипевший Сосновский хлопнул

дверью и назначил представление нового директора коллективу ансамбля на следующий день.

А это было 12 января 1998-го — день рождения Володи Мулявина. Может, в этом стечении обстоятельств кто-то увидит злой умысел, но неприятный разговор, честно говоря, откладывался не раз. Да и «подарка» такого к празднику врагу не пожелаешь, а тем более тому, кто твою жизнь определил. Моё (именно моё!) появление на горизонте, наверное, как обухом по голове ударило Мулявина. Надеюсь, к моменту встречи Володя уже знал все подробности свершившихся за его спиной перемен. Пенкина в каком-то предновогоднем интервью уже высказалась, что будущий год, 1998-й, будет очень сложным для Мулявина и всего ансамбля. Но я помню, в каком он сидел оцепенении — видимо, не верил, что всё это происходит с ним, что он теряет своё дело. Да в это никто не верил ни с той, ни с другой стороны конфликта. Просто невероятное совершалось на наших глазах и с нашим участием! Но кого ему винить, кроме самого себя, по большому счёту? Само представление между тем обошлось без лишних слов, не говоря о поздравлениях и цветах. Куда там: положение ансамбля — разве что слезами облиться.

Один на один

Когда ушёл министр, поговорили сначала творческим коллективом, который, вопреки недавним планам Мулявина, остался неизменным, только пополнился двумя участниками, и те из «стариков». Потом мы закрылись с Володей в кабинете один на один. Детали? Я сразу повторил, почему оказался в директорском кресле. Затем прошёлся по Володиным проблемам и его проколам как руководителя. В голове не укладывалось, как это — позволить под своим же именем вести коллектив к краю пропасти! Но за последние несколько лет авторитет государственного ансамбля упал ниже некуда, во всяком случае в профессиональном сообществе и у руководства.

Как жить дальше? Моё предложение Володе (от имени всех ребят) было простым: вспомнить, что такое серьёзное отношение к делу. Хочешь работать — давай делать это вместе, как и раньше, но дисциплина прежде всего. И первым делом объявляется мораторий на спиртное в рабочее время. «Никаких пьяных выходов на сцену» — почему-то врезались в мою память слова, которыми прессовал растерянного Вову. Ясно, что творец не может без эмоциональных разгрузок или даже допингов. Но дело в том, где разумные пределы, справляется ли человек с проблемой, не влияет ли его «хобби» на других. По себе знаю: трезвый и пьяный — это два разных поведения. Примерно так в своё время я пилил и других «песняров», слабых к стакану (я и сам был ближе к началу этого списка, особенно

по молодости). Вот только никак не мог представить своим «пациентом» Мулявина, который и нагрузил меня когда-то «змеиными» полномочиями, чтобы иметь надёжного помощника рядом.

Ну а коль ты, Володя, устал, коль нужен перерыв, на первых порах поживём «двумя домами», оставаясь в одной упряжке. Будь в Минске, пиши, руководи творческой работой: это твои неотъемлемые полномочия. «Песняры» же будут ездить с именем Мулявина на знамени и показывать результат твоего большого дела. Опыта такого уже поднабрались, только теперь можно не придумывать всё новые причины отсутствия лидера группы, а честно сказать: Владимир Георгиевич работает над новым материалом и передаёт вам, уважаемые зрители, горячий привет.

Сразу же оговаривался и денежный вопрос. Работаем чисто, с прозрачной бухгалтерией: все ведь знали и о куда-то исчезавшей пару раз спонсорской наличке, и о «закрытых» концертах, отработанных за конверт с неопределённой суммой, от которой на гонорары музыкантам откалывался мизер, и о переводах денег со счёта ансамбля. На всё это не раз закрывали глаза, прикрывали всенародно любимого Володю, а заодно и помощника художественного руководителя. (В те смутные годы вокруг Мулявина роилось достаточно тёмных персонажей, которые далеко не за интересы коллектива радели.)

Да и сейчас шли навстречу Володе. Кроме соответствующей зарплаты, ему причиталась треть гонорара ансамбля за каждый концерт независимо от того, работал он на сцене или нет. Условие одно — имя «Владимир Мулявин» должно стоять на афише. Это для ансамбля и абсолютная узнаваемость, и всегда открытые двери, а для зрителя — знак качества. Тем более подобная схема ещё до всех кадровых перестановок работала последние годы. Я брал всё под свою ответственность: «Если обманет кто-то из нас — выгоним с позором». Вопросы будем решать коллективно, будет учреждён художественный совет, где у тебя, Володя, два голоса по праву лидера, народного артиста.

Таков был мой монолог. Мулявин только курил и слушал. Всё говорилось без обиняков, да и к чему они после четверти века рука об руку. «Не трогай Светку. У неё с сердцем проблемы...» — только и сказал он. Я, конечно, скривился, но пообещал: не трону. Ну а когда все острые углы отметили, я спросил: «Мне ты веришь?» Он сказал: «Верю». Дальше разговаривать стало полегче, какие-то творческие идеи даже обсудили. Тут мне показалось, что Вова немного завёлся. «Неужели всё у нас вправду получится и обойдёмся без войны? — подумал я тогда. — Решали же как-то конфликты и раньше». В принципе с Мулявиным могло получиться как угодно. На том мы и пожали друг другу руки в этот день.

Прошлись по классике

А с 13 января начались мои директорские будни в госансамбле. С одной стороны, благодаря лояльному отношению Министерства культуры я смог постепенно входить в работу директора, не задавать ребятам сумасшедший темп. С другой, от нового директора (читай: антикризисного менеджера) требовалось в кратчайший срок вывести ансамбль на сцену, добиться, чтобы имя «Песняров» снова звучало, причём с достойным материалом. И так складно всё пошло: ребята рвались в бой, студия какая-никакая в школе-интернате для глухонемых детей имелась, подняли старые контакты, завязали новые знакомства. Спустя годы понимаю: всерьёз без этих минимальных условий никто встряску темы «Песняров» не потянул бы.

Программа же общая была простой — работать на популярность, искать пути на телевидение, гнать вал концертов. Упор — на песенный репертуар. Поэтому в первые дни жизни по-новому «Песняры» собрались в филармонической репетиционной, чтобы прикинуть свои возможности. Прошлись по «песняровской» классике: у Пени — «Вологда» и «Белоруссия», у Дайнеко — «Беловежская пуца» и «Зачарованая». Из знаменитого ещё «Наших любимых» обновили. А вот «Алесю» даже не трогали: почти совершенная песня, в неё и краску лишнюю не положишь. В общем, кое-где оживить аранжировки, что-то осовременить, использовать преимущества посвежевшего за счёт возвращения Дайнеко вокального аккорда. Потом ребята показали обработки народных песен, номера из казачьей программы, Алик Катиков — свои работы на стихи Ларисы Гениуш: всё впето и сыграно! И ведь «Белорусские песняры» до сих пор «по любви» поют из тех времён «Белую черёмуху», «Цудараніцу», «Ночку цёмную», «Снег тополей», «Цераз рэчаньку»...

Удивил всех в «Только с тобой»

Но ещё важнее тогда было утвердиться с новым материалом, чтобы показать своё лицо, не отрываясь при этом от корня «Песняров» (чем ребята, в общем-то, и занимались последние несколько лет). Олег Аверин предложил несколько готовых вещей: какие-то уже пробовались до нашего с Дайнеко прихода (и, к нашему же с Валерой удивлению, Мулявин их не очень-то хотел в концерты вставлять), другие даже никому не показывались пока. Так, сначала Олег наиграл за роялем приятную мелодию, а потом выдал целую песню — это оказалась «Только с тобой». Ребята в один голос: «Класс! Можно работать!» Вот он — ответ на вопрос Валеры Дайнеко о том, что исполнять-то станем! Да ещё какой убедительный! На той же первой репетиции прозвучала точно «Бялявая, чарнявая» и тоже вызвала всеобщее одобрение!

Прослушали заодно и меня. Взял родные казённые тенор-саксофон и флейту, сдул с них пыль и почти с ходу сыграл свои куски в «Только с тобой». Конечно, особой сложности в партиях не было, но ребята такой прыти от меня явно не ожидали после пятилетнего перерыва. Мне это удивление было приятно: значит, имею право выйти на сцену, за профнепригодность не выгонят, хотя подтянуться стоит. С этой позиции тогда, в 1998-м, соло на альт-саксофоне для записи песни «Только с тобой» сыграл известный белорусский джазовый музыкант Игорь Лютый, а я записался с тенор-саксофоном.

После нескольких таких репетиций я уже всерьёз думал, что на таких «Песняров» сам купил бы билет. И стал прикидывать: выходит, полконцерта у нас в кармане — за остальным дело не станет, с потенциалом этих талантливых, готовых к работе пацанов разгон наберём быстрее, чем можно было рассчитывать! В принципе можно и на альбомчик замахнуться...

НЕМАЯ СЦЕНА

Конечно, мы ждали вердикта художественного руководителя по нашим предложениям в программу. И вот в разгаре наша первая совместная репетиция, о времени которой сообщалось заранее. Мы просмотрели партии, поём материал. А Володя в репетиционную не спешит. Я тогда подумал: понимаю тебя, Вова, но уверен, как-нибудь притрёмся — ведь все мы взрослые люди. К тому же дверь для Мулявина в концертный состав госансамбля при любом раскладе не захлопывали: вдруг он со временем оценит, примет нашу идею с учётом интересов всех участников. Хотя я на этот счёт не обольщался, конечно.

Но чего мы точно не предполагали, так это увидеть за порогом репетиционного класса (видимо, по дороге к «песняровским» кабинетам задержала их прекрасная мелодия) Мулявина с приглашённым им Олегом Молчаном (на тот момент он в ансамбле уже не работал, но вернулся по приглашению Володи). Выходит, отсюда они и слушали, что происходило на нашей первой репетиции. Когда мы, вдохновлённые этим событием, с улыбками до ушей, открыли дверь и столкнулись с ними, по выражению их лиц я точно понял: новые работы Олега мы почувствовали абсолютно верно. Класс! Но, не обронив ни слова, обе группы музыкантов разошлись. Конец немой сцены.

КРЕСТИК Я СТАВИЛ ЗА ДВОИХ

Что значил этот Володин жест с игнорированием репетиций: обиду, ревность, несогласие, непризнание, протест? Не знаю. К сожалению, с того момента идея единого с Володей коллектива и дала первую

глубокую трещину: не прозевай мы её ещё в фундаменте, кто знает, как судьба «Песняров» сложилась бы. Но рассуждать было некогда — все с головой ушли в работу. Ансамбль, за исключением Мулявина, появившегося рядом с ним Молчана и гитариста Аркадия Ивановского, засел в «глухонемой» студии записывать новый материал. Условия — не дай бог, разве что сломавшийся магнитофон удалось вернуть в строй. Но никто нос не воротил. Сам хударук в процесс не вмешивался, как будто ансамбля для него не существовало. Правда, подписать заявления гитариста Саши Соловьёва и второго клавишника Сергея Лапковского (они пришли на места Ивановского и Молчана, начавшего тогда, повторяюсь, строить свою карьеру вне коллектива с другими проектами) Володя принципиально отказался. Мол, кто это такие? — мне они не нужны в «Песнярах». А поскольку расписываться в бумагах должны были директор и хударук, я поставил крестик за двоих. Правда, уточнил у министра культуры, с которым был в постоянном контакте, чем грозит этот подлог. Но Сосновский сказал: формальности потом — давайте результат.

У КОГО ТОЛЬКО «СПРАВКА» НА НАЗВАНИЕ

Зато с тех пор мы считаем, что наш Соловей работал при Мулявине. Это оказался тот уникальный случай, когда человек подошёл сразу и остался, как говорится, на всю жизнь. Мы прямо почувствовали: это надолго. Почти все соло Соловья — его собственные идеи или сделанные с аранжировщиком той или иной песни в тандеме. Он блестяще, в свободной форме и своей манере не просто исполняет — создаёт гитарные партии.

А вот за клавишами и ударными наши люди определились не сразу. Да, с Володей Марусичем мы начинали, пережили тяжёлые первые годы после ухода от Мулявина. Но пути развело — ценность совместной и успешной работы нас не объединила. Потом был длинный по меркам истории ансамбля период, когда «Белорусские песняры» мыкались с сессионными барабанщиками. На ансамбль эти постоянные подстройки под нового человека влияют не лучшим образом. Так что когда Валера Дайнеко свёл нас с Женей Рябым, это был прорыв и невероятное везение. Мало того что всё сошлось в человеческих отношениях, так ведь и уровень Жени — «вышка»: один из немногих в России барабанщиков со школой музыкального колледжа Беркли. Сережа Лапковский нас абсолютно устраивал и как пианист, и как человек, но он жил на чемоданах — собирался ехать работать в Канны. И уехал. Некоторое время за клавишами стоял Игорь Бранковский — хороший, способный, сильный профессионал, с которым мы тоже по-доброму разошлись. Тем более хорошо знали его отца-музыканта. Теперь Игорь работает в Нацио-

нальном концертном оркестре Беларуси. А Максимка Пугачёв — третья и очень удачная попытка. Он уже давно больше чем просто пианист для «Белорусских песняров». Человек с уникальным музыкальным миром, который может соединить свои великолепные музыкальные идеи и пристрастия с тем, чем славились «Песняры», и с тем, над чем работает уже наш ансамбль.

Так что Соловьёв, Пугачёв и Рябой входят в коллектив как полноправные его члены. Пусть кто-то появился раньше и даже поиграл в «Песнярах», кто-то позже. И мыслей в духе «а что эти пацаны тут делают?» не возникает. Думаю, и у публики тоже. Свой статус ребята заслужили, доказали свою неслучайность в «Белорусских песнярах», пусть их музыкальные пристрастия далеко не «песняровские». Это как раз тот случай, когда у кого-то есть моральное право называться «Песнярами», а у кого-то — «справка» на название или набор фонограмм. Снова повторяюсь: мало прикрываться словами о том, что «Песняры» — это образ жизни. Выйди на сцену и покажи.

Начинали с чекистов

С первых же дней мы начали где-то мелькать. Сначала я устроил сольный концерт «Песняров» на юбилее белорусских чекистов — первый в обновлённом составе. (Считай, возобновили старые контакты: уж сколько «шефняков» в знаменитом минском клубе имени Дзержинского в своё время отыграли!) Конечно, все на взводе: обкапываем свеженькое, примеряемся к публике. Но нас, на удивление, сразу отлично принимают даже без Володи, никакого отторжения в зале. Люди увидели знакомые лица, сразу признали нас за «Песняров». Снова в составе Дайнеко — значит, будет «Беловежская пуша», настоящая. Пеня сколько лет поёт «Белоруссию» и «Вологду». Аверин завоевал свою часть аудитории, Катиков закрепился в образе «песняра» — повторяюсь, но это два просто идеальных «песняровских» артиста. Да и на Мисевича наверняка людям было любопытно поглазеть — всё-таки под именем «Песняров» я поработал куда дольше, чем отсутствовал. Да, Мулявина на сцене нет, но он назван лидером. А объявляют одну за другой новые песни! В общем, сошлись с публикой, тем более с такой специфической.

Конечно, первый выход взволновал, не без этого. Но не сознание же терять! (А такое было на моих глазах в оркестре Белорусского военного округа. Все музыканты — человек семьдесят — сдавали индивидуальную игру, и от перенапряжения прямо на сцену минского Дома офицеров рухнули и духовой тенор, и его владелец — огромных размеров сверхсрочник.) Да и не из тех я, кто крестится перед выходом на сцену. Всегда не понимал этого: ты что, на амбразуру кидаешься? Идёшь ведь получать удовольствие и другим его дарить!

После трёх тысяч — в цирк «за три копейки»

Выходит, Демешко с Борткевичем всё-таки правильно почували волну: ВИА снова востребованы. Ну а когда на наш счёт капнуло примерно три тысяч долларов в рублях, похвалило «Песняров» и Минкультуры: наконец коллектив заработал! К тому же когда на сцене госансамбль, никто не скажет, что мы подхалтуриваем, пользуясь именем Мулявина на афише в его отсутствие — всё с Володино согласия. Пока денежные гастроли только наклёвывались, Министерство с удовольствием завалило ансамбль почти бесплатной работой «за три копейки» — на зарплату. А мы и не думали отказываться: одного без другого не будет, да и примелькаться надо. Больше всего мне запомнился приём в Кемерове на Днях культуры Беларуси. Конечно, все ждали: мол, что они без Мулявина сделают? А сделали как в былые времена, не хуже уж точно. Местный цирк, куда нас определили выступать, стоял на ушах. Всё это видели министерские сотрудники, которые отрапортовали Сосновскому в нашу пользу, а значит, информация пошла и дальше. А на каком-то торжестве в оперном театре на «Песняров» посмотрели и высокие белорусские чиновники высокого ранга.

«Никаких договорённостей. Я с вами работать не буду»

Оставался один вопрос: будет с нами ездить Володя Мулявин на концерты или мы будем подписывать на афише его имя и привычно извиняться за его отсутствие? Это в первые дни я с ним записался в филармоническом кабинете, и мы подолгу говорили (не водку глушили!) о жизни, о музыке, в том числе о сложных проблемах ансамбля. Наверное, он всем этим делился из доверия ко мне. А потом появилась трещина во взаимоотношениях. Уже и разговоров всех осталось — приветствие при встрече, потом расходились по углам. Собственно, в один из таких моментов, встретившись с Володей нос к носу в коридоре филармонии, я и напомнил ему, что пора бы решать, как будем работать дальше. Он помолчал, а потом отвечает: «Никаких договорённостей не было. Я с вами работать не буду». (Так, кстати, и случилось: артисты того состава «Песняров» и худрук ансамбля ни разу не выступили вместе.) И спустя ещё несколько дней он озвучил своё мнение на собрании творческого коллектива: «Я вас всех выгоняю». Но поскольку директором Мулявин уже не был, прав на это не имел.

Что скрывать: неожиданности тут не было. Внутренне я был готов к его ответным действиям — не знал только, какими именно они будут. Ведь даже когда в первый день перемен в ансамбле мы наедине долго и спокойно строили планы, я мысленно настраивался на худшее. Почему? Да потому что хорошо знал Володю: не пой-

дѣт он на уступки, не унижится перед обстоятельствами, когда речь идёт о деле его жизни, и в руки себя возьмѣт хотя бы на время. Значит, как и в прежние годы, будет бороться. Жаль только, что против нас. Да, никто Мулявина не заставит работать с нами, раз он не захочет. Его не тронут: не уволят, не лишат фамилии, званий, имени «Песняры», тем более его великого таланта. Скорее такое с остальными, со всеми нами, произойдѣт, и одним пинком под зад мы не отделаемся. И кому какое дело, коль Мулявин оставался в «Песнярах», что мы, артисты, независимо от количества лет в коллективе и статуса в нём, хотели работать, хотели выжить как ансамбль?

Я СОГЛАСИЛСЯ СТАТЬ ПРЕДАТЕЛЕМ

Тогда же в кулуарах филармонии от Мулявина и особенно от Пенкиной уже слышалось: «Предатели... Предатели...» Можно, конечно, отшутиться от этой темы, мол, человека без недостатков не бывает. Вот все сосны растут одинаковые, но где-то на краю бывает какая-нибудь уродина-кривуля, так и мы, «кривули»... Но я сразу переносусь в 1970-е, когда кулуарно решалось, возможно, само будущее «Песняров». Тогда я послушался начальников, сделал наперекор, не предал Володю. И решение это не вызвало во мне ни грамма сомнений. В то время мы шли в одной упряжке, где за жоака был Мулявин: отсечь его — всё равно, что отсечь голову человеку. Глупость! В конце 1980-х я тоже ощущал, что предложение стать директором ансамбля, пусть и после стакана сделанное Мулявиным, исходило от сильного лидера, который на тот момент оказался на распутье — но он найдѣт выход из самого сложного кризиса на пользу своему делу, от которого я уже отходил. Так и вышло: на осколках коллектива (Пеня, Катики, Молчан, сам Вова) появились сильнейшие «Песняры» 1990-х.

Ну а в 1998 году жизнь поставила нас друг против друга в острой ситуации, где ставкой снова стали «Песняры» и их будущее. Но коль прежде всего оно не волновало Володю как руководителя, а для других и лично для меня было возможностью выжить, я был согласен считаться предателем. Можно работать на государство и пытаться оставаться максимально свободными? Хорошо! Пахать только на себя? Это же ещё лучше! Выходит, сама жизнь показала, что всё не так однозначно в поставленном клейме с громким словом «предатель». Задевало оно, конечно, сперва, провоцировало на высказывания какие-то, объяснения, обвинения. Но всё-таки в начале пути по второму заходу было не до обид. А почти двадцать лет спустя вообще не воспринимаешь это остро: на что обижаться, если имя «Песняры» звучит так или иначе почти пятьдесят лет (из которых немалый срок — по «вине» предателей)? А ярлыки... Навешивать их проще всего.

Тот момент, когда мы только-только решились что-то менять в 1998-м (слева направо): Владимир Марусич, Игорь Пеня, Александр Соловьёв, Валерий Дайнеко, Владислав Мисевич, Олег Аверин, Александр Катиков, Сергей Лапковский. Фото: Михаил Маруга

МЫ ПОПРОСИЛИ — НАМ ДАЛИ

Когда я проинформировал министра культуры о решении Мулявина не работать с нами, тот сказал спокойно вести дела: мол, не катастрофа. «Посмотрим, что и как», — повторял Сосновский на наших частых тогда встречах. Да и моя политика директора на тот момент была простая: коллективу надо выжить и продержаться в этом состоянии максимально долго. Вот мы и не стали дёргаться: план выполняем, ездим и для страны на любые гастроли, и для себя успеваем, да и хозяйственные вопросы не зависают. Уже с первых дней, к примеру, стал решаться наболевший вопрос с аппаратурой. Как? Мы попросили — нам дали. Был написан конкретный запрос с перечислением необходимого, и Минкультуры объявило конкурс на закупку. А валюту государство выделило ещё в декабре 1997-го, под план Сосновского наладить работу в «Песнях». А значит, на нас рассчитывали, появилась не пустая надежда.

В ОДНОМ ЗАЛЕ РАЗБЕГАЛИСЬ ПО СТОРОНАМ

Потом стали выбирать новое помещение для ансамбля. Впрочем, эта «песня» уже не первый год тянулась. Володе предлагали, к примеру, настоящий особнячок в отдалении от центра. Правда,

расходы на ремонт там потребовались бы серьёзные — как филармонию новую построить. Перебирали, перебирали и вышли на кинотеатр «Победа» в самом центре города. Зал на триста с чем-то мест, большие площади — Мулявин, рассказывали, загорелся этим местом. Тем более когда-то уже витала идея делать из ансамбля что-то стационарное типа Московского театра песни Надежды Бабкиной. (И к лучшему, что не сложилось: сейчас в Москве такого типа учреждения — обычные прокатные конторы.) Не знаю, как для репетиционных залов, к примеру, но для буфета, говорят, место присмотрели сразу. Спасла бюрократия: даже несмотря на кризис в кинопрокате, никто не хотел перебрасывать здание из ведомства в ведомство, и поиски продолжились.

Так что ещё до самого расхождения интересов были и столкновения, и просто капризы, которые дело затягивали, и бесконечные «дайте то», «дайте это», особенно от Пенкиной... А я сразу прикинул: большой зал — это клёво, но если это концертная площадка, то как она будет работать, на чём получать от неё прибыль, чем наполнять сцену каждый день? Завяжешься с прокатом — утонешь в бумагах, в эксплуатационных расходах, «коммуналке». Но чтобы никому ничего не доказывать впустую, я во время моего директорства, когда Володя отказался от помещения сегодняшнего Молодёжного театра эстрады, для взаимного спокойствия решил: выбирай сам, всё равно основная жизнь ансамбля должна проходить на гастролях (в любом случае мы не отказываемся работать и там, где есть «точка», — в школе-интернате). Да и по объектам стали ходить по отдельности: сначала Мулявин и Пенкина с министром на служебной машине последнего, потом я с тем же Сосновским. А если всё-таки оказывались в одном зале, разбегались по разным стенкам. Так мы смотрели, скажем, помещение на стародавней минской улочке Раковской. Не раз там бывали, даже пытались что-то планировать на пользу «песняров».

КОБЗОН УДИВИЛСЯ, А ВОВА ЗАКУСИЛ УДИЛА

В феврале 1998-го «Песняры» не выступили на минском концерте к семидесятилетию со дня рождения Петра Машерова. По статусу госансамблю там самое место, но без Мулявина на сцене и свои, и москвичи забросали бы вопросами. А что отвечать? Но в Дом офицеров, где проходили торжества, тот приехал и стал пробиваться на сцену. Сосновский в ярости, чиновники стеной стояли, чтобы не пустить Мулявина, пока его не вывел лично Кобзон. Многие говорят: мол, чиновники тогда в край оборзели, а судя по записи этого концерта, и сам Кобзон был крайне удивлён тем Мулявиным, которого увидел. Правда, уже в середине марта Вову как подменили: он спел «Белоруссию» на юбилее Александры Пахмутовой в Москве с новыми ребятами,

которых спешно собрал буквально за месяц. Конечно, под названием «Песняры». (Я их на работу не оформлял — наверное, как я за Вову, так и за меня подпись ставили задним числом, благо мест в штате госансамбля и фонда заработной платы хватало.) В России уже были наслышаны о наших проблемах, но, если на сцене Володя, звезда ансамбля номер один, «эффект Мулявина» не мог не сработать. Он сорвал овацию на несколько минут одним своим присутствием. А кто там с ним на сцене, что и как они поют — какая разница? Все привыкли к тому, что в «Песнярах» последние лет десять появлялись новые лица, значит, и теперь очередной призыв.

Что могли сделать мы в ответ на этот Володин шаг? Ну, огрызнулись в Министерстве культуры, мол, эти гастроли нигде не проходят по документации «Песняров» как командировка, но чиновники решили не идти против Мулявина (министр в принципе и не отрицал возможности работать двумя составами). Вообще-то, окажись мы все в одном штате, такое сосуществование могло длиться хоть сто лет, если дела шли в гору. И за полгода друг другу мы не мешали, получалось как в театре: на спектакль — два состава. Хоть сольный концерт делай в двух отделениях, и всё под художественным руководством народного артиста СССР Владимира Мулявина. И, кстати, звучало такое предложение однажды. Казалось бы, а почему бы и нет, но, к примеру, для меня было ясно: эксперимент — не бесконечный. Володя закусил удила, Пенкина уже развела деятельность, позиция «ни войны ни мира» закончилась — начиналось противостояние в открытую. Особенно после того, как из Москвы Вова вернулся с письмом к руководству Беларуси за подписями известнейших московских артистов в свою поддержку. Если вкратце, то содержание обращения народных и заслуженных было таким: народного артиста СССР предали его музыканты, просим всё вернуть на свои места: Мулявина — в кресло директора, предателей — публично выпороть. Услышав реакцию Москвы, белорусские власти решили взяться за вопрос всерьёз. Поручили его вице-премьеру — отставному полковнику Владимиру Заметалину, курировавшему тогда с полковничьим же размахом социальную сферу.

БЫЛО ЗА ЧТО СРАЖАТЬСЯ

Замечу: и нам было за что сражаться. Мы вмешались, переломили ход событий, вернее, их застой — и сохранили коллектив в рабочем состоянии. «Песняры» зашевелились, и пошли круги по воде, появлялся шанс работать за деньги, о которых раньше и не мечтали, взять сполна за упущенные возможности. Конечно, и Володя, который всегда сторонился прямой коммерции в творчестве, со временем принял правила шоу-бизнеса. Наверняка ему было бы ком-

фортнее сделать этот переход с нами: и знали друг друга по много лет, и наш состав успел пообтереться в Москве. Но мосты были если не сожжены, то изрядно разрушены.

Чтобы установить согласие в ансамбле, пришли к такой форме существования, когда всё устраивает всех. Ведь когда в «Песнярах» накопился негатив? Когда мнение участников ансамбля при очередной смене поколений затёрлось как фактор необязательный ввиду мнения лидера. Значит, первостепенно важно создать комфортные условия каждому ради общего блага. И до сегодняшнего дня это неизменно: хочешь — пиши свои программы, хочешь — открывай собственный сайт, нужно съездить на халтуру — пусть будет так, справимся своими силами. А чтобы не было соблазнов, сразу установили правила. Например, такое: если первый концерт срываешь из-за пьянки — следующий работаешь бесплатно, второй концерт вылетает — неделю бесплатно вкальвай, третий — месяц. Правда, последний раз этот «кодекс» применяли давненько: поводов почти не было, к счастью. Случилось это давно, и почему-то с барабанным битом. Ещё одно правило: каждому артисту ансамбля в течение года безвозмездно отыграть концерт, не спрашивая о причине. Скажем, после минского выступления с оркестром мы остались должны концерт за репетиционную точку, и пока согласовывали все нюансы, чиновник, который за помещение отвечал, уже и не верил, что мы объявимся.

«Ты сколько лет не держал саксофон?» — «А ты когда брал гитару на трезвую голову?..»

Во время беседы в первой половине апреля 1998-го Заметалин был настроен весьма доброжелательно — никаких обвинений. В присутствии прессы вице-премьер пообещал всесторонне поспособствовать от имени государства решению затянувшегося конфликта. А вот за закрытыми дверями всё оказалось куда сложнее. Все на взводе: по одну сторону вице-премьерского стола сел ансамбль, напротив — Володя и Пенкина, которая ход разговора конспектировала, пытаясь попутно встрять со своими тремя копейками (в итоге Заметалин попросил её удалиться). Владимир Петрович выслушал претензии артистов к Мулявину как к художественному руководителю и директору. Да, Володя самый старший, да, самый талантливый, не поэтому ли он и руководит? А раз упустил — чего же удивляться, что всё произошло так, как произошло? Потом пошли ответы Володи, высказывания уже в наш адрес. И выражений никто особо не подбирал. Мулявин мне говорит: мол, а кто такой, Мисевич, для «Песняров»? Пустое место! «Да ты, Влад, сколько лет не держал саксофон в руках?» Я в ответ: «А когда ты, Володя, последний раз брал в руки гитару на трезвую голову?..» В страшном

сне я не мог себе представить, что скажу такое Мулявину, да ещё на повышенных тонах и в присутствии высокого начальника!

ВСЕ НАДЕЯЛИСЬ, А МУЛЯВИН НЕ ОДОБРИЛ

Но чиновники гнут своё: видя, что мы на «ты», знаем друг друга как облупленных, они рассчитывали склеить разбитую чашку. Да, спорим остро, но ведь неспроста всю встречу фоном звучало примиренческое: «Мы надеемся, очень надеемся в самое ближайшее время увидеть ансамбль единым творческим организмом...» Коллективу предложили не спешить с окончательными решениями, поработать в новом формате административных и творческих отношений ещё какое-то время, тем более уже были успешные поездки у обновлённого состава. «Не теряйте темп, но ищите общий язык с Владимиром Георгиевичем...» — говорил нам Заметалин. Ну и пообещали, что встреча эта не последняя. Да и у меня самого, признаться, ещё теплилась надежда, что, если Мулявин заметит наш творческий прогресс, в отношениях с ним что-то изменится. Скажем, его молчание сменится на оценку, пусть не положительную, но объективную. Но этого так и не произошло. Знаю, что однажды Володя с Игорем Лученком в качестве зрителей присутствовали в зале на одном из сборных концертов, где «Песняры» исполняли пару новых песен. Так вот, наш художественный руководитель вещи эти не одобрил и не принял. Это значит, каши нам вместе не сварить, да и не простит нас Мулявин. А в самый разгар страстей порой так хотелось заснуть — и чтобы на следующий день всё изменилось: Володя бы устал наконец нас игнорировать, а взаимные обиды потихонечку рассосались бы...

«ТОЛЬКО С ТОБОЙ» ОТКРЫЛ ФОМЕНКО

«Песняры» тем временем входили в московский шоу-бизнес: появились новые люди, они установили новые правила, и мы начали по ним играть. Нашлись зацепки, пошли концерты. Но малой кровью или большой обойдётся нам этот процесс, ещё не было понятно. Конечно, первым делом кинулись осаждать радио и телевидение в Минске и в Москве. Это уже не советское время, когда решали без нас, кому и как часто мелькать. Если удастся пробиться, прикидывали мы, наверняка получим гарантированную работу по коммерческим приглашениям для плана и хорошо оплачиваемые халтуры вдобавок (а нет — значит, локально повспоминают, и всё).

И как раз в России нам сразу же крупно повезло. Шурик Демешко, который пришёл продвигать нас на «Русское радио» с нашей первой новинкой «Только с тобой» Олега Аверина, столкнулся в офисе станции с ведущим Николаем Фоменко. Ребята были знакомы, разговорились, и Коля немедленно поставил песню в ротацию!

Помню, как мы жаримся у Чёрного моря в Туапсе, а по «Русскому радио» на весь пляж санатория «Белая русь» (его директор Олег Неверкевич — наш добрый друг) по нескольку раз в день наша песня крутится. Приехали на съёмки в «Останкино» — снова «Только с тобой» на всё кафе в телецентре играет по радио. Да ещё с комментарием ведущего: мол, ансамбль восстал из пепла. Представьте себе мотивацию: наверное, со времён «Зачарованой» и «Каляды» такого не было у «Песняров»! И так примерно год песня звучала: с волны на волну переключай — обязательно наткнёшься. Вот это был успех: рассчитывали на пару эфиров, а попали в ротацию! Но этот успех — воля случая: Фоменко взял запись под свою ответственность, что сейчас просто невозможно себе представить! Обычно же вели переговоры с начальниками FM-станций в кабинетах, потом продолжали их в парилке и слышали всегда один ответ: «Да, пацаны, всё сделаем! Какие проблемы?» Но никто ничего не делал. А когда снова ткнулись к Фоменко с новыми вещами, он на «Русском» уже не работал.

ЧТОБЫ НА ВОКЗАЛ НЕ СПЕШИТЬ...

Помог нам с ротациями на радио и новый друг ансамбля — московский врач Володя Смольников из той самой кремлёвской больницы (сегодняшней больницы с поликлиникой Управления делами Президента России). Пользуясь своими знакомствами, он пошёл с нами по станциям, беседовал с директорами, призывал помочь. И частенько это удавалось. А случай нас свёл с ним в Туапсе. Однажды Володе предложили отдохнуть в любой точке мира. Мол, сегодня говоришь куда, а завтра уже полетишь. И один из пациентов посоветовал: «Я весь мир объездил, но больше всего мне понравилось в Туапсе — санаторий “Белая Русь”». В первый же день отдыха доктор увидел афишу «Белорусских песняров», и, по его словам, вспыхнула давняя любовь к ансамблю: «Как будто током ударило!» Афишу Володя сорвать постеснялся, но купил для себя с женой самые шикарные места. А в один из дней принёс на пляж в радиорубку свой сборник любимых вещей «Песняров». Мол, поставьте что-нибудь — всё равно же музыку крутите, да и название санатория обязывает. В итоге прокрутили всю пленку. (Эх, не было на песочке том нас: точно приняли бы за добрый знак!)

После концерта с той же самой самодельной кассетой Володя Смольников подошёл ко мне за автографом. Правда, он пожалел, что постеснялся сорвать афишу: другие смельчаки отыскались. Зато назавтра, увидев у автомата с кофе Алика Катикова, Володя не растерялся — познакомился, сказал, что вчера был на концерте, что слушает «Песняров» с первой пластинки, — так слово за слово нашли общий язык. А там уже со мной и с другими ребятами целый день общались, просидели до утра. Что его связывает с музыкой?

Игра на трубе в далёкой молодости. А на один из дней рождения Алик Катиков подарил Володе профессиональную трубу, которую мы иногда видим в его руках.

Уже двадцать лет буквально в каждый наш приезд в Москву встречаемся, не раз он гостил у нас в Минске, а мы выступали для врачей Кремлёвки. И, конечно, на всех своих московских концертах ждём Володю. Нашего строжайшего к тому же критика — ведь судит он по реакции зала. Коль говорит, что стало в зале больше молодёжи, уставшей от попсы, — так оно и есть. От него знаем, что после восстановленных номеров из программы «Через всю войну» люди — и не только моего возраста — выходили в слезах. И то бесспорно, что любой сольный концерт в Москве обязательно должен быть на нерве — не каждый год теперь нам светит большая престижная площадка. «Нельзя отрабатывать так, будто спешишь на поезд. Тогда лучше вообще не выходить на сцену», — повторяет он. После этих слов, наверное, мы и решились в Москве закрепиться. Чтобы на вокзал не спешить!

«НАМБЭР УАН!»

Нашей первой активности на радио и ТВ хватило, чтобы оказаться на слуху, доказать, что ансамбль жив. Причём люди интересовались, знали не только Дайнеко, Пеню или худо-бедно меня, запомнившегося благодаря саксофону в руках, но и Аверина, Катикова, Марусича, которые работали с Володей Мулявиным в 1990-е. В общем, который раз повторяюсь: был потенциал для нашего непростого шага, был. Это подтвердили и коллеги в Москве: «Вы всё ещё поёте — и как поёте! А какие у вас аранжировки интересные!» Первым оценил и новые песни, и свежие аранжировки для «золотого фонда» Володя Пресняков-старший. Сам, мы не просили. Подошёл за кулисами какой-то «солянки» и сказал коротко: «Намбэр уан!» Мне сложно описать, насколько эта лаконичная оценка оказалась тогда своевременной! И, думаю, поводов разочароваться мы Вове не давали. А если он услышит где-то лажу, фальшь, подделку, — уж к его-то мнению каждый из нас прислушается безусловно. Спустя несколько лет благодаря музыковеду и звукорежиссёру Толе Вейценфельду мы показали концертную запись из московского зала «Россия» его коллеге по пульту Рафику Рагимову, с которым работали ещё в советское время. Признаться, очень лестно было услышать в адрес голосов «Белорусских песняров»: «Время не властно!»

АККОРД БЕЗ МУЛЯВИНА

Конечно, «Белорусские песняры» восприняли и сохранили вокальный аккорд «Песняров» — принципы построения, подача не изменились. Да и голоса Дайнеко, Пени, Аверина, Катикова — их хоть

сольно, хоть в таком слиянии узнает всякий (и полноценный поющий квартет — это тоже отработано при Мулявине). Потому и говорили, что «время не властно». Только в этом аккорде появилось больше мягкости, лиричности. Так что для слушателя со стажем мулявинской составляющей — какой-то характерности, что ли, драматизма, твёрдости, — наверное, не хватает. Да, у Володи был не баритон, но голос с абсолютно узнаваемыми чертами, такие — база любого аккорда. Но коль голоса, как у Мулявина, у нас нет, от этого фактора надо было отталкиваться, в чём-то перестраивать пачку, аранжировщикам учитывать её тонкости. Правда, я уже говорил, что со временем в какие-то моменты вокал Олега Аверина стал напоминать (и, думаю, не только мне) Володин тембр, пусть тут и совершенно другая мощность и основательность.

Умышленно по «Песнярам»

Что ещё сохраняли из «песняровского»? Конечно, поначалу умышленно держались звучания по образцу. Во-первых, тогда другого и не планировалось. Во-вторых, даже в самые амбициозные ранние годы «Песняров» ни Володе, ни кому-либо из нас в голову не приходило рубить с плеча, что-то ломать, а на руинах строить новое. Нет, всегда хотелось дополнить, опробовать в чём-то нехарактерные приёмы, к примеру на народном материале. А уж наши «Бялявая, чарнявая», «Рэкрут», «Минская зорка», «Вішанька», «Жалейка» и вообще шли в линию ещё того ансамбля, и это очень точные музыкальные попадания в стиль «Песняров». И действовали мы не вслепую, а в направлении, которое выбрал Мулявин в последние годы. Кто-то, измерив тщательно тот же фольклорный репертуар, скажет: а ведь будущие «Белорусские песняры» кинулись в «бытовуху» и «развлекуху». Да в фольклоре любого народа мира такого материала больше всего: он о жизни, о каждом из нас (и порой не без крепких словечек — никто ведь не редактировал себя для сцены). Так и сам Володя подобного не сторонился в 1990-е. Он пел «Касіў Васіль сена», «Куму», «Чырвоную ружу», Олегу Аверину дал добро, скажем, на отличную песню «Зіма», номер из казацкой программы, а «Цераз рэчаньку» Алик Катиков до сих пор исполняет практически на каждом концерте. Кстати, такая работа — лишнее доказательство, что случившийся в «Песнярах» кризис был не творческим: Мулявин, находясь в форме, направлял все поиски в здоровое русло и на пользу «Песнярам».

«ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ» ЗАПЕЛ!

А вообще, в 1998-м, как и всегда впрочем, буквально два-три концерта показывали, вписывается вещь в программу или нет. Скажем, я рассчитывал на «Мінскую зорку», на то, что её подхватят

в белорусской столице. Но в Минске, видимо, перебор с красивыми песнями. Надо, наверное, город в тексте поменять, чтобы пазлы сошлись. На «Вішаньку» или «Жалейку» зритель то хорошо реагировал, то жиденькими аплодисментами. Разумеется, от этих вещей отказались. Но недавно Олег Аверин вернулся к ним. «Жалейку» переделал в духе кантри — поём её с огромным удовольствием, воспринимается она очень свежо. А «Вішаньку» реанимировал не только другой аранжировкой, но и частично переделанным текстом, да вдобавок новым названием «Прымак» и пением в дуэте... со мной! Не знаю, как пойдёт дальше, но пока наше совместное творчество (есть ещё песня «Ці ты дома») зрители принимают, и в интернете с критикой не обрушиваются. (Причём я понимаю: это не песни-события.) Возможно, реакция публики связана с тем, что «великий немой» (это я о себе) вдруг снова запел?.. Хотя на этом акцент особый не делали — настолько чётко выстроена программа, аккорд на четырёх разнохарактерных вокалистах. Разбавлять же внимание публики — тактическая ошибка. Но для меня это был интересный эксперимент, и, если Олег захочет его продолжить, я с радостью поучаствую.

ДРУГОЕ «ГОРА»

В принципе с первых же шагов хотелось также органично сочетать нашу жажду современности с развитием традиций ансамбля. На словах звучит красиво и просто, но сколько песен вылетало в корзину и сколько было споров на повышенных тонах! Впрочем, всё, кстати, происходило как и с Мулявиным. И вот пошли песни уже несколько другой стилистики. Например, «Гора», записанная на первом диске «Белорусских песняров». Не номер — витрина! Там и Валере Дайнеко есть где развернуться в основной партии, и остальным поющим по яркому эпизоду досталось. И пусть она на белорусском языке, на народные слова написана, но это именно «Белорусские песняры» по аккорду, по манере подачи, по чистому року в припеве, которого у «Песняров» никогда не было. Так что на больших «отчётных» концертах стараемся «Гора» всегда вспомнить, ведь звучит эта вещь убедительно до сих пор! (И даже страшно представить, что потеряли бы такую песню, остановись Олег Аверин на её первоначальной версии «А дзе тая пара» — ну другой же коленкор, совсем другой!)

МАНЁВРЫ СО «СВОИМ» КОМПОЗИТОРОМ

Кстати, наши сами смелые манёвры с новым и старым репертуаром во многом стали возможны благодаря «своему» композитору и аранжировщику. Олег Аверин — это невероятная удача Мулявина, точное попадание с тем, кто был жизненно необходим «Песнярам»

(а потом, оказалось, и «Белорусским песнярам»). Мелодия для него не пустой звук — вот что я понял ещё на первых наших репетициях, когда Олег раскрывал свой удивительный талант от песни к песне, от аранжировки к аранжировке. Тогда я поймал себя на мысли: а ведь он ближе к мулявинскому уровню, коль пишет для нашего времени такие же красивые песни, как Володя для своего! Пусть кто-то скажет, что сравниваю я слишком смело, но, как и Мулявин в первые годы «Песняров», Олег удивлял своими идеями, своей музыкой и, к счастью, удивляет до сих пор. А ведь началось всё с неосознанного заочного знакомства по услышанным в радиоэфире «Гитаре» и лиричному «Снегу тополей»! Кстати, меня поразило, что Олег не оканчивал консерваторию, его специальность из совершенно далёкой от музыки отрасли. Как не задаться тут логичным вопросом: откуда вообще появился этот парень, гармоничный во всём, за что бы он ни взялся?! Послушаешь «допесняровские» его опыты в других стилях и не поверишь, что этот человек в своё время принял приглашение Мулявина прийти в «Песняры» или написал, к примеру, «Только с тобой». А его сольные рок-альбомы? А рэп-эксперименты? А сказки?

НЕ СБИВАЯСЬ

А для коллектива важнейшее качество Олега — его потрясающая работоспособность и тонкая музыкальная интуиция. Даже когда понятие «критическая масса» нового материала (теперь ясно: это была первая ласточка к самостоятельности) значило едва ли не больше, чем его качество, Олег, не сбиваясь, писал великолепные вещи. «Только с тобой», «Цветок любви», те же «Бялявая» и «Рэкрут» — это до сих пор дорогие нам вещи, с которых началась биография нового коллектива (пусть даже, уверен, какое-то время люди на автомате слушали его всё ещё как мулявинский), абсолютно точные попадания, которые публика полюбила, запомнила, приняла. Несколько безусловных удач кряду доказывали: наше появление в таком составе и с некоторым количеством свежего материала — не случайность, значит, даже без старых песен мы можем быть актуальны (хотя и не собираемся забывать о них).

И, забегая вперёд на семнадцать лет: концерт с оркестром в Минске состоял в большинстве своём из номеров периода «Белорусских песняров» или «песняровских», но авторства наших ребят не по нашему настоянию — по выбору дирижёра Александра Липницкого.

НЕ ПОШЛИ «ПОД КРУТОГО» И «ПОД ПРИГОЖИНА»

Но это всё творческие ходы, а ведь ещё попытались попасть под продюсерское крыло. Не то чтобы мы прямо рвались, но было соблазнительно поработать с менеджером, который решит твои

дела, поможет сделать правильные шаги с раскруткой, будет пробивать эфиры. Наверное, оттого появилось стремление, что успели побивать пороги радиостанций, телеканалов, редакций газет — и всё сами: у нас не было и нет каких-то сотрудников для этого. (В одной газете даже написали: «Диск предоставлен В. Мисевичем» — так и было, но как-то и не по статусу даже.) И пока нащупывали место на московской сцене, чуть не подписали договор с Иосифом Пригожиным, который руководил тогда прокатной конторой «Первого канала». Правда, перед нами стояла дилемма: вся работа на Пригожина — «левак» с точки зрения белорусских законов, тем более основная часть заработка идёт продюсеру. Но и для него наша привязка к государству, причём в другой стране, — нестыковка: с наших выступлений по официальным мероприятиям недополучал бы он, да и мы сами с них, считай, ничего не имели в финансовом отношении. В итоге Иосиф сказал: «Я вам лучше помогу, зачем мучить друг друга». И наша «Только с тобой», к примеру, попала на сборный альбом того же «Первого канала» — а это статусная вещь на то время.

Тогда же предлагали «Песняры» свои услуги и Игорю Крутому. Он тоже не стал сразу подписывать контракт, долго думал, а буквально в шаге от его заключения сам остановил процесс. Можно сказать, Игорь по-дружески отвёл нас от верного пути в кабалу — редкость для шоу-бизнеса. Солисты или группы отдают по договору своему продюсеру до девяноста процентов с концерта — вот истинная цена соблазна сделать всё по московским стандартам. (Помню, Алёна Свиридова говорила в одном из интервью, что у неё самый счастливый день был тогда, когда закончился срок договора с продюсерами.) Так что сейчас вспоминаешь эти сомнения и радуешься самостоятельности.

Правда, Игорь нас здорово поддержал: пристроил «Бялявую, чарнявую» в телеэфиры — где-то за спасибо, где-то отстёгивали. А когда в 1998-м Крутой возглавлял жюри конкурса на «Славянском базаре в Витебске», эту песню в записи из Летнего амфитеатра много раз повторяли в его программах на всю Россию. В результате когда из Мурманска с очередных дней культуры Беларуси вся делегация уныло возвращалась в Минск, «Песняры» полетели в Москву — на новые съёмки и новые концерты. А потом Игорь нас взял на «Песню года» с новой вещью — «Моя душа». Пусть и не скромно прозвучит, но после распада Союза (да и задолго до него) «Песняры» на этот до сих пор престижнейший фестиваль не попадали, а у нас — факт в биографии. Тем более на старости лет и с хорошим номером.

НЕ ПЛАТИЛИ НИ МИЛИЦИИ, НИ ЦЫГАНАМ

Крутой же помог ансамблю вписаться в сборный концерт ко Дню российской милиции. О таких выступлениях «Песняры» уже успели

позабить. Помню, как министр культуры Беларуси всё выпрашивал, сколько мы дали на лапу, чтобы попасть в престижный концерт да ещё и с телеэфиром. А мы платить не платили, но позже за тот номер отработали «сольник» на петербургской Дворцовой площади на миллионном мероприятии — уже «Белорусскими песнями» на пару с Витасом под ледяным ветром. Не платили мы также ни за участие, ни тем более за победу на российском «Музыкальном ринге», когда играли против группы «Штар». Изначально, кстати, туда пригласили Валеру Дайнеко, даже не зная, что у «Песняров» пошла новая жизнь. А он предлагает: так вот же, есть ансамбль, и все приедут, кроме Мулявина (что не новость). Ну а собственно соревновательная часть... За цыганами стояли большие деньги — не нам тягаться с ними. Так что в одном раунде победили мы, в другом — «Штар», которые и завоевали в финале «элегантную победу». Приз для ансамбля — полтора часа присутствия на экране. Но эта сознательная в общем-то тактика получила от Володи Мулявина оценку в таком духе: «Песняры» никогда не занимали вторые места — короче, опозорили предатели коллектив. Хотя мне кажется, что позор, когда о твоём детище говорят что-то вроде: «“Песняры”? А они ещё живы?» Об этом мы и намекнули в мягкой форме в нескольких интервью того времени. Володя же в своих высказываниях в прессе, скажем так, с нами не согласился.

Кстати, хрустальный приз за участие в «Музыкальном ринге» нашли почему-то разбитым в филармонической комнате «Песняров» после очередных гастролей...

ТУПИЧОК НА «СЛАВЯНСКОМ БАЗАРЕ»

Перед «Славянским базаром в Витебске», видимо, подошёл срок отчитаться, показать жизнеспособность ансамбля, тем более министр культуры Александр Сосновский накануне посадил меня и Мулявина за очередной круглый стол друг против друга со словами: «Делайте что хотите, а “Песняры” должны выйти на витебскую сцену в полном составе. Договаривайтесь». (Хотя изначально Володе на фестивале определили роль члена жюри конкурса молодых исполнителей.) Скул, конечно, стоял весь день, тем более и для нас, и для Мулявина выступление было важным — фестиваль ведь транслировали не только в Беларуси, но и в России, Украине, СНГ. Володя соглашался работать на «Славянском» со своим прежним составом, но — категорически — без меня, Дайнеко и новобранцев: гитариста и клавишника. Разговаривая с ним, я «включал начальника» — всё равно никакого консенсуса не предвиделось. А раз не хочет человек выступать — не надо, сами справимся, не впервой. Тем более проблема-то у художественного руководителя с коллективом, который гарантирует качественное выступление ансамбля. В общем, образовался тупичок.

Наконец решили так: сначала объявят, что выступает Белорусский государственный ансамбль «Песняры», а потом — художественный руководитель, народный артист СССР. Мы спели «Бялявая, чарнявая» и «Только с тобой» — приём хороший, тёплый. Президент, присутствовавший в ложе, нам аплодировал. Потом Володя (с Молчаном и Ивановским) исполнил «Малітву» — и тоже отличная реакция зала.

МОРДЫ НЕ БИЛИ, НО ДЕЛЁЖКА НЕ ВЕЧНАЯ

После этого столкновения стало ясно: пусть за полгода мы и привыкли к образовавшемуся статус-кво, такая делёжка вечно продолжаться не может. Коллектив готовился к тому, что наши пути с Володиёв, скорее всего, разойдутся окончательно, только пока не ясно, кому именно придётся уйти. Мы были до последнего уверены: с нашей стороны кредит доверия и от зрителя, и от государства отрабатывался по полной. Творческая работа давалась легко, концерты шли своим чередом, уже был готов клип. Пусть сам он и не шедевр, но в эпизодах, кроме нас, засветились Шурик Демешко и Лёня Тышко из первого состава «Песняров», а значит, наш шаг поддержали коллеги, причём заслуженные артисты. Да и административное бремя меня не тяготило. Велась закупка аппаратуры, ожидали её «растаможки» и введения в эксплуатацию. Решили вопрос с помещением, а концертов хватало и на закрытие плана, и на себя. С появлением грамотного бухгалтера двинулись в гору и финансово-экономические дела: деньги исправно поступали на счёт, зарплаты выплачивались своевременно, но главное — снялись застарелые тёмные вопросы по этой части. Признаюсь, я даже нашёл основания для увольнения Пенкиной в целях оздоровления морального климата в коллективе — не зря настольной книгой был том КЗОТа. Сдерживало от решительных действий только данное Володе обещание не трогать её, ну и то, что появлялась она редко — чтобы внести смуту и самоустраниться от непосредственной своей работы. А вот учреждённый на бумаге худсовет так ни разу и не собрался, хотя объявления с формулировкой «для решения конфликтных ситуаций» вывешивали регулярно. Да вот только Мулявин не приходил с нами советоваться, а между остальными участниками ансамбля и без лишних сборищ царило согласие. И слава богу, наверное, что не встречались все вместе: морды побили бы друг другу без всякого толку.

«ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, АЛЛА?»

Как восприняли смену власти в «Песнярах» сотрудники госансамбля? Наверное, их симпатии, несмотря ни на что, склонялись к Володе Мулявину. Даже «мой» бухгалтер Алла корила меня: «Себе не верю, что сижу в одной комнате с Мулявиным: такой мужик, вели-

колепный человек! И что вы с ним делаете? Неужели нельзя решить так, чтобы вам всем было хорошо, а Владимиру Георгиевичу в первую очередь?» Это говорила та, которой я безмерно доверял (она прошла через все мои фирмы) и без кого плавал бы по финансовой части, не видя берега! Что я мог ответить? Пиши свои цифры, что ли? Наоборот, я её прекрасно понимал! И даже здорово, что она, находясь с ним в одном рабочем пространстве, видела в Володе человеческие качества. О них, настоящих, знали в ансамбле все. Но жизнь свела меня с Мулявиным по второму кругу таким образом, что ставить человеческие характеристики во главу угла уже было нельзя. И как я ни старался, сколько ни приводил Алле разумных аргументов с точки зрения будущего для коллектива, переубедить не смог. А со временем в подобных разговорах стал отмалчиваться, разве что напоминал: наслаждайся этими минутами с великим человеком. Будет о чём детям и внукам рассказать! Это безо всякой иронии. Кстати, когда мы ушли, Алла осталась ещё на какое-то время в штате ансамбля у Мулявина.

Когда к президенту приходит Мулявин...

На тот момент было очевидно (и для Володи в первую очередь!): «Песняры» выкарабкаются, и уже выкарабкиваются, выживут без Мулявина на сцене. Вывести никому не известных ребят на сцену и сказать, что они «песняры», — всё-таки маловато. В общем, когда телега, пусть и со скрипом, поехала, Володя сделал единственно возможный для него в той ситуации шаг — пошёл «сдаваться» и давать, давать, давать обещания. Решить вопрос возвращения ему директорских полномочий в государственном ансамбле (читай: абсолютной власти и самого названия «Песняры») мог только президент Александр Лукашенко. И кто поспорит: народный артист Советского Союза имел право обратиться к главе государства — сказать, как хочет работать, заверить, что созрел для возвращения в свою вотчину. С другой стороны, когда к главе государства приходит с покаянием такой человек, всенародно любимый артист, не дать ему второй шанс, наверное, просто невозможно. Это понимал Вова, а ребята в «Песнярах» и лично я — тем паче. Но повлиять на развитие событий было не в наших силах, оставалось наблюдать. Я был в курсе, что Мулявин ищет этой встречи, и с пониманием отнёсся к тому, что пробивает её для друга Игорь Лученок — как и Вова, народный СССР, к тому же председатель Белорусского союза композиторов.

(На Игоря я, кстати, совершенно не в обиде: помощь другу — дело святое! Мы с Лученком прекрасно общаемся, причём в последнее время всё чаще, я постоянно прошу повторить то одну, то другую историю — рассказчик он прекрасный!) О состоявшемся разговоре я тоже сразу узнал. Говорят, Мулявин там чуть ли

не ультиматум поставил: уеду из страны, если мне не вернут место. Хотя в той его ситуации было не до жиру, как говорится: столько людей от него отвернулось (правда, в предатели их почему-то забыли записать — наверное, вовремя подсустились потом целовать-обнимать). Больше верится в тон разговора по тем словам в адрес Володи, которые Александр Григорьевич вспомнил в каком-то выступлении: «Не сделаешь пару программ — у нас не будет отношений».

ВОПРОС РЕШИТ НОВЫЙ СТАРЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Сразу после этой встречи в октябре 1998-го мне позвонил министр культуры Сосновский и сказал: твоя должность сокращена, прежнюю ставку «директор — художественный руководитель» вернут Мулявину, короче, напиши лучше заранее заявление по собственному желанию. И добавил, что в этой истории он уже ничем не поможет, хотя морально остаётся на нашей стороне, мол, всё мы делали правильно. «Если Дайнеко выдержит, может остаться, с остальными вопрос решит новый старый руководитель. Подробности — на встрече коллектива с вице-премьером Заметалиным» — всё это министр сообщил как приговор и положил трубку.

А я несколько дней между этим звонком и встречей с Заметалиным терзался: ну не может государство, которое требовало перемен к лучшему в ансамбле, теперь рубить всё достигнутое на корню! Ведь

Как ни встречу Игоря Лученка — классик и мой друг всё потчует меня уморительнейшими анекдотами и историями из быта «Песняров», которых я уже не помню. 2016 год, во время Национального фестиваля белорусской песни и поэзии в Молодечно. Фото: Юрий Иванов

не подвели мы тех начальников, кто рассчитывал на нас. В ситуации, когда было ясно, что ещё шаг-другой — и ансамбль ждёт забытьё, мы почти год впахивали, нарабатывали новый материал, возвращали имя «Песнярам» и рекламировали страну, прорывались в Москву. И всё это без Мулявина на сцене (как и все последние несколько лет — впрочем, тогда это предпочитали не замечать), так что успех ансамбля казался почти невероятным! Фактически мы на деле доказали, что на высказываниях типа ««Песняры» — это образ жизни» далеко не уедешь, а вот с новым материалом и огромным желанием работать можно преуспеть.

БЫЛА ВОЗМОЖНОСТЬ ВСЁ РЕШИТЬ БЕЗ РАЗРЫВА

Да, несколько дней я прокручивал десятки вариантов, рассчитывал на какие-то компромиссы, на мягкий исход. Но понимал: всю жизнь прожить в одном коллективе, конечно, хочется, но бывает подобное очень редко. Да и не первые мы, у кого в какой-то момент музыка ушла на десятый план, а негативные факторы выступили на первый: жёны, скандалы, личная несовместимость... Настоящая же работа идёт до тех пор, пока мелочи вроде названных не разрастаются до масштаба определяющих. Тем не менее я и сегодня уверен: была возможность всё решить в тот момент без скандала или, по крайней мере, без разрыва. Думаю, нам удалось бы постепенно восстановить пусть не прежнюю дружбу, но партнёрские контакты, оставайся мы, скажем, параллельными составами одного госансамбля. Во-первых, перед острой фазой конфликта у нас с Володей были спокойные, нормальные, конструктивные разговоры, мы строили реальные планы на совместное будущее. А во-вторых, «Песняры» всегда оказывались на гребне, даже после самых критических замен ведущих артистов, после кардинальных сдвигов в пристрастиях публики, после всех точек невозврата. Ансамбль со всем справлялся, навёрстывал отставание, чтобы снова стать номером один, эталоном — это и есть школа выживания по Владимиру Мулявину.

И вот он вроде бы, очередной такой шанс! Тем более собранные Володей и за несколько лет проверенные в работе музыканты рвались в бой — лишь бы получить возможность возрождения. Но лишь только она пришла, стало ясно: самому Вове всё это давным-давно неинтересно. То, что его интересовало, ни для кого не секрет. Не зря ведь на всех встречах с представителями власти мы твердили: Демешко, Мисевич, Дайнеко — это старая гвардия, люди, чьё мнение Мулявин во всяком случае учитывал; надо, чтобы он взял себя в руки, вернулся в здоровую творческую форму, и мы его поддержим. Пусть даже тем, что не позволим расслабляться, заставим что-то доказывать! И ведь сколько бы он мог — я в этом просто

убеждён! — сделать для «Песняров», пускай и в несколько другом направлении, не будь этого жёсткого расхода в 1998-м! Как на духу говорю: я первым пошёл бы с ним, прими он наш вариант развития коллектива — да вообще в принципе вариант развития!..

Но куда уж там прислушиваться к каким-то артистам!.. Володя занял продиктованную обидой принципиальную позицию, а государство в лице полковника-примирителя, которому тогда было выгодно взять под козырёк, принялось рьяно её отстаивать. Не зря Валера Дайнеко сказал Заметалину на нашей последней встрече: «Владимир Петрович, вы губите Мулявина...» Короче, на совещании у Заметалина надеждой на варианты, на диалог не пахло. До сих пор удивляюсь собственной наивности!..

«ПОПРОЩАЙТЕСЬ С “ПЕСНЯРАМИ”» И «НИ-КОГ-ДА» ЗАМЕТАЛИНА

В настроении Заметалина на второй встрече не было ни намёка на прежнее миротворчество: «Беседа будет краткой. Я лишь объявлю решение». Коль меня увольнять уже не требовалось, Владимир Петрович (справедливости ради отмечу: на то, что мы дружно навалились на работу без Мулявина, он внимание обратил) спросил у Дайнеко, будет ли тот работать. Валера отвечает: опять двадцать пять не хочу, и если не будет Мисевича, то я тоже не останусь. Всё ясно, тема закрыта. К остальным Заметалин подобных вопросов не имел, только поинтересовался: когда, мол, ребята, «к станку» выхóдите? Но на лицах — никакого энтузиазма от призыва «партии и правительства»: «Без Мисевича и Дайнеко работать не будем». Для меня тогда был момент истины: значит, проект обновления «Песняров» не был высосан из пальца, значит, этого хотели ребята и сейчас коллектив на низком старте. То же самое понял и вице-премьер, у которого из козырей оставалось разве что погрозить нам пальчиком: «Если вы уйдёте, слова “Песняры” у вас в названии не будет ни-ког-да! Подумайте ещё раз над последствиями своего решения!» Молчок. «Так когда приступите?» — контрольный вопрос Заметалина. Тогда все встали (кроме одного музыканта, который сказал: «Остаюсь» — и слава богу) и вышли. Без конкретного расчёта или договора на такой случай: никто ведь не предполагал, что будут рубить с плеча. Слова Дайнеко, которые он сказал в адрес отставного полковника, точно подвели итог кризиса в ансамбле: «Попрощайтесь с “Песнярами”»: сегодня вы их разрушили своими руками».✱